

Исходя из этой информации, Сюй Ланьшань подумал начать с дома маркиза и снова принялся собирать о нём сведения. Сведения о доме маркиза добыть оказалось легче, нежели о самом Чэнь Циньцине, поэтому, узнав о некоторых давних событиях, связанных с домом маркиза, Сюй Ланьшань уже знал, что предпринять.

Сюй Ланьшань хотел начать с самого маркиза, но, к его изумлению, едва он упомянул Чэнь Циньцина, как маркиз тотчас уклонился от разговора, даже сделал вид, будто не понимает, о чём речь, отчего Сюй Ланьшань пришёл в ярость.

Затем Сюй Ланьшань решил обратиться к жестокосердной госпоже маркиза, полагая, что теперь, когда Чэнь Циньцин постоянно при государе, она, верно, неспокойна. Должно быть, ей и во сне грезится избавиться от него.

Однако, когда Сюй Ланьшань, используя прошлые события, тайно назначил ей встречу, убить она захотела его самого.

Он предполагал, что госпожа маркиза страшится нынешнего покровительства Чэнь Циньцина, но не ожидал, что она вообще не посмеет поднять на него руку. Она каждый день жила в страхе, не смыкая глаз по ночам, боясь, как бы Чэнь Циньцин не напал на неё однажды, а учитывая её отношения с маркизом, тот точно не стал бы её защищать.

Посему ныне имя Чэнь Циньцина стало её ночным кошмаром, а прошлые события — табу. Она и сама понимала, что те события уже всплывали, и скрыть их невозможно. Она лишь надеялась, что никто более не станет о них говорить, а Чэнь Циньцин никогда о них не вспомнит, отчего и запретила кому бы то ни было обсуждать сие, словно так можно было стереть это из бытия.

Даже в таком состоянии она всё равно трепетала, что Чэнь Циньцин нападёт на неё, что показывает, сколь хрупки стали её нервы.

И в сей ситуации кто-то снова поднял эту тему, что стало последней соломинкой, сломавшей её. Она возжелала убить сего человека.

Когда госпожа маркиза внезапно выхватила нож и вонзила его ему в живот, он остолбенел. Он попытался отобрать у неё нож, но обнаружил, что сила её невероятна, а облик её крайнее ненормален, даже безумен. В сей миг Сюй Ланьшань убоился.

Сюй Ланьшань возжелал бежать, но, добежав до двери и попытавшись её открыть, обнаружил, что она заперта. Обернувшись, он вновь узрел сверкающий клинок, направленный на него. Сюй Ланьшань едва успел уклониться, избежав смертельного удара, но лезвие всё же рассекло его руку.

Сюй Ланьшань возопил, но, дабы обеспечить тайну встречи, он выбрал место глухое, безлюдное, где редко ступала нога человеческая, и никто не мог услышать его криков.

Сюй Ланьшань убоился, как никогда прежде. Он почувал, что впрямь может умереть, пасть от руки сей безумной женщины.

Не сумев бежать, Сюй Ланьшань вступил в схватку с госпожой маркиза, пытаясь вырвать нож, но душевнобольная женщина не страшилась поранить себя, лишь стараясь ударить Сюй Ланьшаня, дабы уничтожить того, кто снова вскрыл старую рану.

В сём отношении — в готовности рискнуть всем — Сюй Ланьшань уже проиграл.

Сюй Ланьшань воззвал к своей системе, но система не отозвалась, а он из-за рассеянности получил ещё два удара.

По мере того как ран на теле его прибавлялось, сердце Сюй Ланьшаня наполнялось отчаянием.

Когда он наконец вырвал нож и убил сию обезумевшую женщину, он без сил рухнул на землю.

Чувствуя, как сознание покидает его, он понял, что, видно, не выживет.

Ему казалось сие до крайности нелепым.

Умереть от руки безумной женщины — сколь же абсурдно.

Явился он в сей мир, казалось бы, многое свершил, но чувствовал, будто ничего не совершил. Он полагал, что не должен умирать столь рано, но факт оставался фактом: одно ошибочное решение погубило его здесь.

После смерти он просто исчезнет навеки?

Сюй Ланьшань вновь почуял страх перед неизведанным ужасом.

И в сей миг перед ним предстал незнакомец. Очи его вспыхнули, и он с трудом вымолвил:

— Спасите...

Но человек спросил:

— Желает ли будущей жизни?

Сюй Ланьшань замер, мысли его метнулись, и он с трудом кивнул.

Затем Сюй Ланьшань узрел, как человек простёр к нему руку, и почувствовал, как нечто покинуло его тело.

Смутно догадывался он, что то могла быть его система.

К сей системе у Сюй Ланьшаня не осталось и тени привязанности, лишь чувство освобождения. Без системы он не исчезнет после смерти.

И в сердце его таилась ненависть, ненависть к тому, что система не спасла его, когда его убивали, оставив умирать в таком месте.

Чэнь Циньцин вернулся во дворец и, взирая на исполинского золотого дракона, чьё тело покрывало всю державу, невольно улыбнулся.

Не думал он, что малый золотой дракон вырастет столь.

В сей миг Чжао Юйсин обнял его сзади, и в голосе его слышалась обида:

— Ты получил Поднебесную, коей желал. А когда дашь мне то, чего желаю я?

Чэнь Циньцин обернулся и глубоко взглянул на Чжао Юйсина.

Чжао Юйсин тотчас спросил:

— Что с тобой? Недужится?

Чэнь Циньцин покачал головой и молвил:

— Я согласен.

Чжао Юйсин замер, а затем лицо его озарилось ликованием:

— Правда? Ты впрямь согласен стать моим?

Чэнь Циньцин кивнул:

— Да.

— Чудно, чудно! Ты наконец согласился быть моим!

С этими словами Чжао Юйсин не смог сдержать себя и крепко обнял Чэнь Циньцина.

Чувствуя радость, исходящую от Чжао Юйсина, Чэнь Циньцин тоже невольно улыбнулся.

Чэнь Циньцин: [Желаю использовать привилегию.]

Системный помощник: [Принято.]

Хотя расставание и было печальным, Чэнь Циньцин верил, что они встретятся в следующем мире.

Когда Чэнь Циньцин собрался уйти, в очах исполинского золотого дракона на небе мелькнула золотая вспышка, и время, пространство и мир словно на миг исказились, но никто сего не заметил, включая Чэнь Циньцина и его системного помощника.

В следующий миг системный помощник изрёк:

[Обнаружено вмешательство неизвестной энергии, возвращение невозможно. Ситуация доложена, прошу ожидать...]

Чэнь Циньцин на миг замер, слегка нахмурился, но вскоре принял сие.

Однако он не ожидал, что ожидание сей затянется на десятилетия.

Он сочетался браком с Чжао Юйсином на глазах у всей Поднебесной, разделил с ним власть над страной, наблюдал, как мир развивается, общество становится открытее, а творчество людей расцветает. В сие время люди, живущие в сем мире, возможно, не ведали, к чему приведёт то, что они творят своими руками.

Но Чэнь Циньцин ведал сие хорошо. Благодаря знанию грядущего, с помощью законников они создали для сей страны законы строгие и опережающие время.

Нравственность ограничивала душу, а закон — человеческую природу.

Когда Чжао Юйсин умер, Чэнь Циньцин своими очами узрел, как золотой дракон долго взирал на него с тоской, а затем с оглушительным рёвом взмыл в небеса, пробил преграду сего мира и умчался в неизвестность.

Чэнь Циньцин не стал размышлять о сем, а после того как проводил дракона, возлёг рядом с Чжао Юйсином и покинул сей мир.

А в самой глубине космоса, куда ничей взор не мог проникнуть, возник исполинский золотой дракон, кой затем исчез. Огромное око внезапно отверзлось, устремив взор свой на сию вселенную, сияя, словно звёздное море, будто вмещающая в себе все тайны мироздания, от начала до конца.

В следующий миг око сомкнулось, и на месте его явился человеческий облик.

В очах сего человека отражался образ Чэнь Циньцина, лежащего на ложе в мире, переживающем конец света, и медленно открывающего очи.

Мужчина усмехнулся, а затем исчез...

Авторское послесловие: Ха-ха-ха-ха, наконец-то выдавил из себя финальную главу, восемь тысяч иероглифов, можно считать, что закончил в трёх главах, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Новая работа: «Чат-группа восьми чудаков из мира демонов».

<http://bllate.org/book/16138/1446822>